

УДК 94(5)+94(470.47)

ПРАВО В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ И ОЙРАТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. ЧАСТЬ 2

Екатерина Николаевна Бадмаева

доктор исторических наук, доцент,
Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова
Элиста, Российская Федерация
E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Эллара Уляевна Омакаева

кандидат филологических наук, доцент,
Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова
Элиста, Российская Федерация
E-mail: elomakaeva@mail.ru

Улюмджи Владимирович Очиров

Российский государственный университет правосудия,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: o.ulyumji@yandex.ru

UDC 94(5)+94(470.47)

LAW IN THE GOLDEN HORDE AND OIRAT STATES OF THE MIDDLE AGES. PART 2

Ekaterina N. Badmaeva

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
Elista, Russian Federation
E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Ellara U. Omakaeva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
Elista, Russian Federation
E-mail: elomakaeva@mail.ru

Ulyumji V. Ochirov

Russian State University of Justice,
Rostov-on-Don, Russia

ОБСУЖДЕНИЕ

Источниками монгольского права 13–14 вв. Т. Д. Скрынникова называет «йосун» — древнее обычное право и «торё» — сакральное право монголов, унаследованное от древних тюрков (1997: 54).

Важным источником ордынского права исследователь считает «зарлик» (ярлыки), иначе «пайцза» (табличка) — приказы и распоряжения ханов, грамоты, повеления местным управителям.

Ханские ярлыки одним из первых в отечественной правовой науке выделил и стал изучать в качестве самостоятельного исторического источника востоковед В. В. Григорьев (1842). С тех пор данный источник золотоордынского права стал предметом исследований историков и лингвистов. Наиболее систематизировано ярлыки рассмотрел Р. Ю. Почекаев, по его мнению, их изучение не только позволяет дать характеристику этим юридическим документам, но и проливает свет на ряд других вопросов истории права Золотой Орды (2009: 3).

Если говорить в общем, в ордынском праве ярлык представляет собой ханскую грамоту или указ, дающий право на государственное управление в отдельных улусах Золотой Орды или подчиненных ей государствах; осуществление ответственных государственных дел за рубежом и внутри страны; ведение дипломатических миссий; землевладение феодалами различных рангов и т.д. Ханам Золотой Орды как верховными владыками выдавались различного рода ярлыки, некоторые из них могут считаться источниками права (История отечественного..., 1999). Среди таковых, в первую очередь, следует назвать указы отдельных правителей государств чингизидов, которыми они и судьи-дзаргучи осуществляли правосудие, а также ярлыки, регламентирующие порядок назначения и полномочия того или должностного лица в системе суда или управления. Такие ярлыки носили характер прямого действия и беспрекословного исполнения. В ярлыках, назначающих на должность судей (дзаргучи), прямо предписывается выносить решения строго на основе Ясы. Решения, принимаемые дзаргучи, записывались в особые грамоты «яргу-намэ», за это отвечал специальный штат писцов — «диван яргу». Другие же ярлыки ханов — жалованные и охранные грамоты вассальным правителям, отдельным лицам, различного рода послания, направленные в другие государства и внутри империи — нельзя отнести строго к источникам права, это, скорее всего, дипломатические документы. Подобного рода ярлыки имели силу только определенное время. Новый хан имел право подтвердить либо отменить тот или иной ярлык своего предшественника. Помимо ярлыков, существовала система выдачи так называемой пайцзы.

Пайцза — это золотая, серебряная, бронзовая, чугунная, деревянная дощечка, выдаваемая от имени хана в качестве своеобразного мандата. Она подтверждала подлинность ярлыка и волю хана на повиновение вассалов. На них обычно изображались солнце и луна: «Солнце и луна на золотоордынских пайцзах — это знаки одолженной харизмы... Забота ханов о легитимности собственной власти привела их к стягиванию харизмы великого предка к собственному имени» (Крамаровский, 2002: 220–221). Этот же автор пайцзы делит по функциям на два вида: «наградные, выдававшиеся за заслуги, и подорожные — для лиц, выполнявших особые поручения ханского дома» (Крамаровский, 2002: 215). Самой значимой среди них считалась

золотая пайцза, она обычно вручалась официальному лицу более высокого ранга, а менее значащей — деревянная, которой удостоивались лица, занимавшие не столь высокое положение в обществе. В правовой системе Монгольского государства также имелись правовые акты чисто административного характера, как дефтери. С их помощью осуществлялись управление и прочие административно-распорядительные действия. Дефтери обычно использовались в административных или финансовых вопросах. Ими регулировались различные обязанности в виде уплаты установленных ханом дани и налогов всеми владельцами поместий. За нарушение вассалитета знать покоренных народов ждал смертный приговор. В вассальных территориях на Руси следить за порядком и процессом сбора дани были обязаны баскаки — ордынские чиновники, которые находились, к примеру, практически во всех крупных городах русских удельных княжеств.

Судопроизводство в Монгольской империи и Золотой Орде осуществлялось на основе правоприменительной практики действовавших источников права (Дугарова, 2008). При Чингисхане суд из общественного института был превращен в государственный. Правосудие являлось одной из функций исполнительной власти, так как не существовало отдельной ветви судебной власти. Суд Золотой Орды, в отличие от Монгольской империи, имел постоянную основу. Хан был наделен правом высшей судебной инстанции, однако структура судебной власти была относительно независимой. Хан являлся гарантом справедливого и надлежащего исполнения всех действовавших на территории государства законов. Он сам решал, какие дела будет рассматривать лично, а какие будут переадресованы нижестоящим инстанциям. Хан рассматривал лично дела представителей правящего рода чингизидов и знати, породнившейся с ними путем заключения браков. Ханы Золотой Орды активно осуществляли функции верховного судьи. Они нередко выступали и международными арбитрами в споре правителей вассальных ханств. Кроме ханов, правосудие осуществлял суд курултая — съезда представителей правящего рода и военачальников, суд специально назначенных лиц — судей-дзаргучи. Они получили практически полную самостоятельность в решении всех вопросов, но судебная власть все же была относительно независимой. К примеру, хан золотоордынцев Батый имел право вершить правосудие над подчиненными ему нойонами и чиновниками, но, правда, с одной оговоркой: «судьей Бату является каан» — верховный правитель Монгольской империи. Чингисхан ввел должность верховного судьи, который, как сказано в «Сокровенном сказании монголов», «карал за ложь и взыскивал за воровство, подсудных всех судил и выносил всем смертный приговор, кто был достоин смерти...» (Чингисиана, 2009: 2). Верховный судья осуществлял государственную судебную власть по согласованию с ханом и от его имени вершил правосудие. Он разрабатывал письменные законы, утверждал их у хана и следовал им в своей деятельности.

Еще одной из важнейших его функций являлся контроль исполнения судебных решений. Исполненные приговоры записывались в «синих тетрадах» (кокодаб-лар). Первоначальную традицию записи в особых папках ввел усыновленный Чингисханом и его женой Бортэ татарин Чиги-кутук, наделенный всемонгольским ханом функциями великого судьи где-то с 1206 г. Верховными судьями в своих владениях являлись Суд курултая, суд родовых князей и наместников улусов Золотой Орды — даругов. Им хан (хаган) передал определенные судебные полномочия.

Статьей 23 Билика родовой суд, рассматривая гражданские и семейные правонарушения, имел право «на увещевание, ссылку и тюрьму». Родовые князья и даруги могли по собственному усмотрению вынести приговор по рассматриваемым делам, но при этом почти всегда они руководствовались сложившейся текущей политической ситуацией и личной ханской позицией. Родовой суд рассматривал дела по мелким проступкам и спорам, совершенным как простолюдинами, так и представителями аристократии. Принадлежность к аристократическому сословию не являлась смягчающим обстоятельством, не освобождала виновных от наказания. Решения по гражданским и семейным правонарушениям принимались одинаковые, независимо от того, из какого сословия лицо, преступившее закон.

Судебной властью в покоренных монголами странах обладали тарханы (дарханы — монг.), при администрации которых заседал суд. Тарханы, яргучины обладали иммунитетом и назначались ханской администрацией. Позже, когда сформировался государственный строй Золотой Орды, появился и специальный судебный орган — Яргу. В Золотой Орде действовал, правда, не на постоянной основе, еще один судебный орган — совместный суд представителей власти Золотой Орды и государств, с которыми золотоордынцы на основе ярлыков–договоров вели торговлю и имели определенные дипломатические отношения. Практика совместных судов, как считает Р. Почекаев, была прямо позаимствована Джучидами из опыта европейских торговых держав (2004: 74). Подобный суд рассматривал конкретные случаи нарушений договоренностей по ведению торговых и иных заинтересованных с двух сторон дел. По сути, он являлся, если можно так сказать, далеким прообразом современного Международного Арбитражного Суда.

Источниками ойратского (калмыцкого) права исследователи называют обычаи ойратских и монгольских народов, «Монгольское Уложение», «Великую Ясу» Чингисхана, постановления ойратских, монгольских и калмыцких князей, Монголо-ойратский закон «Ики Цааджин Бичиг» 1640 г.» (Бакаева, Омакаева, 2002; Munkh-Erdene, 2010) и др. Последний из названных правовых актов создавался в условиях междоусобных войн, ведшихся на просторах Евразии кочевыми племенами и приведших к образованию отдельных разрозненных государств. Перед лицом угрозы внешних врагов, в особенности со стороны маньчжуров, монгольским народам необходимо было объединиться и создать мощное, единое государство. Вопрос объединения монголов и ойратов постоянно витал в воздухе, наконец, долго вынашиваемая и целенаправленная задача объединения «Халхи и Джунгарии» (Владимирцов, 1934) была реализована в 1640 г. на монголо-ойратском съезде. В общенародном форуме приняли участие племенные вожди 44 монгольских и ойратских родов и поколений, в том числе и представители волжских калмыков во главе с тайши Хо-Урлюком. Съезд правителей из разных мест обитания монгольских народов закрепил создание союза в виде своеобразной федерации княжеств. Именно на этом объединительном съезде, имевшем важное политическое значение для монголов, ойратов, волжских калмыков, был принят монголо-ойратский кодекс уголовных наказаний «Ики Цааджин Бичиг», известный также под следующими названиями: «Монголо-ойратские законы 1640 г.», «Великое Степное Уложение».

В отличие от древнего ойратского закона — Цааджин бичик, правовой акт, принятый в 1640 г., по мнению проф. Леонтовича, явился юридическим выражением более широкого союза четырех и сорока монгольских племен (1879: 15–16).

Сама идея создания нового законодательного памятника была продиктована необходимостью достижения единства монгольских племен во всех сферах, прежде всего, в военной. В самом документе эта сакраментальная идея изложена так: «действовать заодно как в деле нападения, так и в случае собственной обороны».

Немаловажным фактором для создания общего кодекса монгольских народов послужила, по словам Ф. Бюлера, «...необходимость оградить частные имущества, приобретенные военной добычей, водворить безопасность в улусах» (1846: 7).

Оригинальный текст новопринятого правового документа на монгольском языке не сохранился до наших дней. Имеется только 5 ойратских копий исторического памятника, несколько русских переводов, среди которых по точности и качественно выделяется немецкое переложение данного свода законов известного ученого П. Палласа.

По вопросу о правовых источниках Ики Цааджин Бичик отечественные историки и правоведы высказывали самые различные точки зрения, и сама научная проблема вызвала оживленные дискуссии и споры. И. Я. Гурлянд убежден, что основным источником Ики Цааджин Бичик является обычное право ойратов (1904: 52–53). Сторонники «ойратской» основы правового кодекса монголов середины XVII в. находили в нем также определенное влияние некоторых писаных уголовных законов западных монголов — ойратов. Действительно невооруженным взглядом видна генетическая близость Ики Цааджин Бичик и ранее действовавшего у западных монголов древнего общеплеменного устава или уложения ойратов, регулировавшего союзные отношения четырех ойратских племен — Цааджин Бичик. Однако точка зрения, определяющая влияние ойратского права на общемонгольский законодательный памятник 1640 года, поддержана была не всеми историками права. Ф. И. Леонтович полагает, что одним из основных источников «Степного уложения» является буддийское каноническое право (1880: 188). Подобной точки зрения придерживается и В. А. Рязановский (1931: 40). Современные калмыцкие исследователи также отмечают значительное влияние на «Ики Цааджин Бичик» религиозных принципов буддизма (Уланов, Бадмаев, Мацакова, 2016: 168). С ними солидарен И. Ч. Аксенов: «... источником обычного права калмыков, помимо Ясы Чингисхана, выступило каноническое (буддийское) право, что стало результатом влияния новых религиозных воззрений монгольских народов со времени признания ими буддизма основной религией» (2006: 129). С. Д. Дылыков считает, что источниками закона 1640 г. являлись «в основном письменные законодательные памятники — монгольские уложения, принятые на съездах монгольских феодалов во второй половине XVI и начале XVII века, а также некоторые обычаи, бытовавшие в монгольском народе» (Их цааз, 1981: 7).

Несколько обособленно выглядит точка зрения дореволюционного российского исследователя П. Палласа, категорично утверждавшего: «Несмотря на типологическую общность, Ики Цааджин Бичик представляет собой совершенно самостоятельный устав» (1778: 88). Проф. К. Голстунский, сравнивая и сопоставляя правовые нормы «Ики Цааджин Бичиг» и «Великой Ясы», также считал, что «ни «Великая Яса» Чингисхана, ни пайзэ, ни ярлыки, ни каноническое буддийское право не были и не могли быть письменными источниками для законов 1640 г.» (Монголо-ойратские, 1880: 10). Тем не менее, нельзя не согласиться с исследователями, утверждающими, не без основания, о влиянии Чингисхановского Ясака на монголо-ойратский устав

взысканий 1640 г. Безусловно, есть определенная нормотворческая общность двух этих законодательных памятников, но имеются и различия, в особенности в характере правовых регламентаций. Нормы «Великой Ясы» намного жестче регламентируют общественные отношения в обществе, чем в законодательном акте ойрат-монголов. Об этом можно судить по системе наказаний, предусмотренных в обоих правовых документах. В Ясе практически за каждое третье правонарушение предусматривалась смертная казнь. В. А. Рязановский подсчитал, что из 36 фрагментов Яса наказание смертной казнью предполагается в 13 случаях (1931: 18). В Уставе 1640 г. нормы наказания за подобные проступки мягче и гуманнее. Яса Чингисхана проповедовала толерантное отношение к вероисповеданиям полоненных народов, тогда как монголо-ойратский устав менее терпим к другим религиям. Данное обстоятельство обусловлено тем, что монгольское и ойратское общества середины XVII в. были однонациональными, основную массу жителей в них составляли представители коренного этноса, в отличие от Великого Монгольского государства, на территории которого проживали разные народы и племена. В послеордынский период монголо-ойратские правители стали активно и целенаправленно проводить политику, направленную на внедрение в общество ламайского буддизма, понятно, что в русле принятого курса на монополизацию одной религии в моноэтнических государствах не могло быть и речи о равной поддержке других вероисповеданий. Поэтому «Степное уложение», по воле степных вождей и духовных иерархов, законодательно защищало в основном интересы буддийской церкви. Посягательство на буддийское духовенство, на их имущество, нанесение оскорбления духовным лицам монголо-ойратский законодательный кодекс 1640 г. относил к серьезным преступлениям. В то же время, по нормам действовавшего законодательства, буддийские духовные лица могли быть подвергнуты наказанию за попрание религиозных норм и отклонение от духовного этикета: «Кто из духовных лиц самовольно нарушит принятый на себя обет, с того взять половину его скота и имущества».

Необходимо особо подчеркнуть, что «Ики Цааджин Бичик», как и «Великая Яса» Чингисхана, определял в первую очередь систему управления государством военного типа. В нем особое внимание уделяется вопросам подготовки к боевым походам. Материальное обеспечение армии кочевников возлагалось на само население: каждые сорок кибиток были обязаны ежегодно поставлять в воинские подразделения два лата (пластинчатые доспехи азиатских воинов). За неисполнение приказа полагался штраф в размере 1-ой лошади и 1-го верблюда. Ополченцы, мобилизованные по указанию ханов, должны были своевременно явиться к месту сбора, за опоздание назначалось определенное наказание, при этом учитывались статус и материальное положение провинившегося: «если не выедут вовремя, то взыскивать: с князя по два девятка, с знатного человека по панцирной лошади и 4-годовалому верблюду... с людей низкого сословия по 4-х годовалой лошади». «Ики Цааджин Бичиг» предусматривал уголовную ответственность за неоповещение о надвигающемся противнике: «Если человек, видевший, что идет большое войско, не объявит об этом, его казнить. Движимое и недвижимое его имущество конфисковать. Потомство несообщившего должно быть изгнано». Нормами монголо-ойратского законодательного памятника устанавливалась строгая подчиненность низших командиров высшим, пресекались самовольные, не согласованные с вышестоящим начальством военные действия, затруднявшие осуществление общего стратегического плана

ведения военных операций. Провинившиеся воины, независимо от сословного происхождения, подвергались двукратному штрафу. За ошибки и неправильные действия командира, с точки зрения военного искусства кочевников, штрафовался весь отряд — 30 лошадьми, а боевое подразделение лишалось права участвовать в дележе военной добычи.

Степное Уложение прописало определенные правила дележа военной добычи. Они были практически идентичны установленным правилам раздела военных трофеев «Великой Ясы». «Ики Цааджин Бичиг» более дифференцированно, чем «Великая Яса» Чингисхана, подходил к вопросу о степени наказания виновных за нарушение воинской дисциплины, определяя ее в зависимости от сословного происхождения. В законе 1640 г. сказано: «Если человек ханского происхождения во время сражения сбежит, взять [с него] тысячу лошадей, сто верблюдов и сто панцирей. Если сбежит нойон — наказание такое же. Если сбежит простолюдин с панцирем, взять у него панцирь и четыре лошади. Если без панциря — взять две лошади». Воина, сбежавшего с поля боя и оставившего в опасности нойона, ожидали разорение хозяйства и смертная казнь: «А кто владельца оставит, того разорить и умертвить». Наоборот, воин, спасший знатных людей, поощрялся переходом в сословие дарханов, освобождением от уплаты налогов.

Виновными признавались командиры, произведшие несанкционированный раздел добытого имущества, которое полностью забиралось у них, а сами военачальники наказывались штрафом в размере одного девятка. Попытка сокрытия захваченного имущества считалась тяжким преступлением: если это было сделано в первый раз, полагался штраф в 5 скотин. Повторная попытка приравнивалась к краже, за что штрафные санкции были более жесткими. Сурово наказывалась кража воинского снаряжения. Воин, укравший у другого воина, к примеру, латы и панцирь, штрафовался девятью девятками.

«Ики Цааджин Бичик», кроме правовых норм, устанавливающих принципы военно-демократического устройства ойрат-монгольских государств, правила организации кочевых армий, систему наказаний за воинские провинности, охватывал, надо отметить, самые различные отрасли права — уголовное, гражданское, духовное (религиозное), семейное, наследственное, а также процессуальное (порядок производства степного суда, вопросы административного управления).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на примере «Великой Ясы», «Ики Цааджин Бичиг» и других правовых документов можно определенно сказать, что нормы права монгольских и ойратских государств регулировали общественные отношения, складывавшиеся в кочевых образованиях, и отражали специфику их развития, прежде всего, регламентировали правила военной организации кочевых армий. Введение такой первоочередной регламентации вполне понятно, так как в средневековый период истории кочевым народам в силу ряда причин объективного и субъективного характера приходилось вести многочисленные войны, и от слаженности, организованности войска во многом зависели благополучие общества и существование самих государственных образований.

Особенность монгольского, ойрат-калмыцкого права заключалась также в том, что основные его нормы были связаны с главным занятием номадов — кочевым скотоводством. Поэтому в «Великой Ясе» Чингисхана и в «Ики Цааджин Бичиг» 1640 г. всевозможные обязательства в государстве и обществе исчислялись определенным количеством скота, например, калымом при заключении брака. Размер таких видов наказаний за различные правонарушения и преступления, как выкуп, штрафы и т.п., также определялся в единицах скота. Отдельные нормы права регулировали семейно-бытовые, наследственные, имущественные и другие отношения. В целом кочевое право монгольских и ойратских народов в послечингисовский период было направлено на более четкое правовое нормирование всего многообразия общественных отношений.

После распада Золотой Орды входившие в нее некоторые тюркские народы переходят к системе шариатского суда, находившегося целиком в ведении местного духовенства, тогда как предводители монголо-ойратских родов и племен в послеордынский период вернулись к разрешению всех споров и конфликтов на основе норм обычного права, к широко бытовавшему ранее у них «степному» суду с четким приоритетом монгольской правовой традиции. Это говорит о том, что монголы и ойраты несмотря на активное участие в завоевательных походах Чингисхана и его преемников в незначительной мере подверглись влиянию правовых традиций регионов, на которые распространялась власть Джучидов.

Принятый в 1640 г. общемонгольский правовой устав «Ики Цааджин Бичик» стал важным правовым регулятором общественных отношений монголо-ойратских народов, в том числе и волжских калмыков. Монголо-ойратский кодекс законов упорядочил социальную структуру кочевых ойратских обществ — Калмыцкого ханства на Волге, Джунгарского на Эмеле, Хошоутского на озере Кукунор, способствовал дальнейшему развитию в этих кочевых образованиях систем права, судопроизводства, политических институтов.

Волжские калмыки, несмотря на удаленность от «ойратского мира», жили по законам Степного Уложения даже после принятия ими в 1609 г. российского подданства. Общий монголо-ойратский законодательный кодекс продолжал играть значительную роль в правовой системе Калмыцкого ханства и Калмыцкой степи вплоть до начала XIX в. В развитие норм Степного Уложения с учетом современных общественно-экономических реалий и потребностей были приняты указы Галдан-хунтайджи, законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши («Токтолы»), «Зинзилинские постановления» 1822 г.

Со временем новые государственно-общественные отношения в составе интенсивно складывавшегося единого государства стали еще больше втягивать калмыков в орбиту российского права. Тем не менее разработанные российским правительством Положения об управлении калмыцким народом от 24 ноября 1844 г. и 23 апреля 1847 г. в определенной степени учитывали особенности правовых традиций калмыцкого народа. В 1994 г., через три с половиной века, калмыцкий народ, наследуя исторический дух «Ики Цааджин Бичиг», принял Степное Уложение (Конституцию) Республики Калмыкия.

Литература

Аксенов, И. Ч. (2006). Обычно–правовые нормы калмыков: исторический дискурс. *Обычное право народов Северного Кавказа: итоги и перспективы исследования*. Сборник статей. 2. Ростов н/Д. 128–141.

Бакаева, Э.П., Омакаева, Э.У. (2002) «Степное Уложение» 1640 года: проблемы адекватности названия и датировки. *Монголоведение*. 1(1). 101–103.

Бюлер, Ф. А. (1846). Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы, их история и настоящий быт. *Отечественные записки*. Санкт-Петербург. 2. 47. 7. 1–28; 8. 59–125; 48, 10. 58–94; 49. 11. 1–44.

Владимирцов, Б.Я. (1934). *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*. Ленинград: издательство АН СССР.

Григорьев, В.В. (1842). О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. *Историко-филологические исследования В. Григорьева*. Москва: Университетская типография. 170–258.

Гурлянд, Я. И. (1904). *Степное законодательство с древнейших времен по 17-е столетие*. Казань: Типография Императорского университета.

Дугарова, С. Ж. (2008). Судебная система и судопроизводство в монгольском средневековом государстве. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2. 115–118.

История отечественного государства и права (1999). Ч. I / Под ред. проф. О. И. Чистякова. Москва: Издательство БЕК.

Их цааз («Великое уложение»): памятник монгольского феодального права XVII в.: ойратский текст (1981) / введение и комментарий С. Д. Дылыкова. Москва: Наука.

Крамаровский, М. Г. (2002). Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры. *Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и её наследие*. 212–224.

Леонтович, Ф. И. (1879). *К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойротский устав взысканий (Цааджин-Бичик)*. Одесса: Типография Г. Ульриха.

Леонтович, Ф.И. (1880). *Калмыцкое право*. Ч. 1. Уложение 1822 года (текст). Примечания: Состав, источники и общий характер уложения. Общественный быт по калмыцким уставам / [Соч.] Ф.И. Леонтовича. Одесса: Типография Г. Ульриха.

Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-Хун-Тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши (1880). Калмыцкий текст с русским переводом и примечаниями исправляющего должность экстраординарного профессора в Санкт-Петербургском университете К. Ф. Голстунского. Санкт-Петербург: типография Императорской Академии наук.

Паллас, П. С. (1788). *Путешествие по разным провинциям Российского Государства: Атлас*. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук.

Почекаев, Р. Ю. (2004). Суд и правосудие в Золотой Орде. *Правоведение*. 2. 217–232.

Почекаев, Р. Ю. (2009). *Право Золотой Орды*. Казань: ФЭН.

Рязановский, В. А. (1931). *Монгольское право (преимущественно обычное): Исторический очерк*. Харбин: Тип. Н. Е. Чернышева.

Скрынникова, Т. Д. (1997). *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. Москва: Наука.

Уланов, М. С., Бадмаев, В. Н., Мацакова Н. П. (2016). Буддизм и правовая традиция в Монголии. *Былые годы*. 4. 168–176.

Чингисиана: свод свидетельств современников (2009). Пер., сост. и комментарии А. Мелехина. Москва: Экспо.

Munkh-Erdene, Lhamsuren (2010). The 1640 Great Code: an Inner Asian parallel to the Treaty of Westphalia. *Central Asian Survey*. 29: 3. 269–288.

References

Aksenov, I. Ch. (2006). Customary legal norms of the Kalmyks: historical discourse. *Customary law of the peoples of the North Caucasus: results and prospects of the study*: Collection of articles. Rostov n/a, 2. 128–141 (in Russian).

Bakaeva, E.P., Omakeeva, E.U. (2002) «Stepnoe Ulozhenie» 1640 goda: problemy adekvatnosti nazvaniya i datirovki [“Steppe Code” of 1640: problems of the adequacy of the name and dating]. *Mongolovedenie*. 1(1). 101–103 (in Russian).

Buler, F.A. (1846). Foreigners roaming and sedentary in the Astrakhan province, their history and real life. *Domestic notes*. SPb. 2. 47. 7. 1–28; 8. 59–125; 48, 10. 58–94; 49. 11. 11–44 (in Russian).

Chingisiana: svod svidetel'stv sovremennikov (2009). Per., sost. i kommentarii A. Melexina. Moskva: E'kspo (in Russian).

Grigor'ev, V.V. (1842). O dostovernosti yarlykov, dannyx xanami Zolotoj Ordy russkomu duxovenstvu [On the reliability of the labels given by the khans of the Golden Horde to the Russian clergy]. *Istoriko-filologicheskie issledovaniya V. Grigor'eva*. Moskva: Universitetskaya tipografiya. 170–258 (in Russian).

Gurlyand, Ya. I. (1904). Stepnoe zakonodatel'stvo s drevnejshix vremen po 17-e stoletie [Steppe legislation from ancient times to the 17th century]. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta (in Russian).

Dugarova, S. Zh. (2008). Sudebnaya sistema i sudoproizvodstvo v mongol'skom srednevekovom gosudarstve [The judicial system and legal proceedings in the Mongolian medieval state]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. Economics and law. 2. 115–118 (in Russian).

Ikh Tsaz (“Velikoe ulozhenie”). Pamyatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII v.: ojratskij tekst (1981) [Ikh Tsaz (“The Great Code”). The monument of the mongol feudal law of the 17th century: Oirat text]. Vvedenie i kommentarij S. D. Dylykov. Moskva: Vostochnaya literatura (in Russian).

Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava (1999). Ch. I / Pod red. prof. O. I. Chistyakova. Moskva: Izdatel'stvo BEK (in Russian).

Kramarovskij, M. G. (2002). Simvol'y vlasti u rannix mongolov. Zolotoordynskie pajczy kak fenomen oficial'noj kul'tury. *Tyurkologicheskij sbornik 2001. Zolotaya Orda i eyo nasledie* [Symbols of power in the early Mongols. Golden Horde Payzi as a phenomenon of official culture. *Turkic digest 2001. The Golden Horde and its heritage*]. Moscow. 212–224 (in Russian).

Leontovich, F. I. (1879). *K istorii prava russkix inorodcev. Drevnij mongolo-kalmyczkij ili ojrotskij ustav vzyskanij (Czaadzhin-Bichik)*. Odessa: Tipografiya G. Ul'rixa (in Russian).

Leontovich, F.I. (1880). *Kalmyczkoe pravo*. Ch. 1. [Kalmyk law. Part 1]. Ulozhenie 1822 goda (tekst). Primechaniya: Sostav, istochniki i obshhij karakter ulozheniya. Obshhestvennyj byt po kalmyczkim ustavam / [Soch.] F.I. Leontovicha. Odessa: Tipografiya G. Ul'rixa (in Russian).

Mongolo-ojratskie zakony 1640 goda, dopolnitel'nye ukazy Galdan-Xun-Tajdzhiya i zakony, sostavlennye dlya volzhskix kalmykov pri kalmyczkom xane Donduk-Dashi (1880) [Mongol-Oirat laws of 1640, additional decrees of Galdan-Khun-Tajjiya and laws drawn up for the Volga Kalmyks under the

Kalmyk Khan Donduk-Dashi]. Kalmy`czkij tekst s russkim perevodom i primechaniyami ispravlyayushhego dolzhnost`e`kstraordinarnogo professora v Sankt-Peterburgskom universitete K. F. Golstunskogo [Kalmyk text with Russian translation and notes by K. F. Golstunsky, an extraordinary professor at St. Petersburg University]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk (in Russian).

Munkh-Erdene, Lhamsuren (2010). The 1640 Great Code: an Inner Asian parallel to the Treaty of Westphalia. *Central Asian Survey*. 29: 3. 269–288.

Pallas, P. S. (1788). Puteshestvie po razny`m provinciyam Rossijskogo Gosudarstva: Atlas [*Traveling to different provinces of the Russian State: Atlas*]. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk (in Russian).

Pochekaev, R. Yu. (2004). Sud i pravosudie v Zolotoj Orde. *Pravovedenie*. 2. 217–232 (in Russian).

Pochekaev, R. Yu. (2009). *Pravo Zolotoj Ordy`* [The Right of the Golden Horde]. Kazan`: Fe`n (in Russian).

Ryazanovskij, V. A. (1931). *Mongol`skoe pravo (preimushhestvenno oby`chnoe): Istoricheskij ocherk* [Mongolian Law (Mostly Customary): A Historical Sketch]. Xarbin: Tip. N. E. Cherny`sheva (in Russian).

Skry`nnikova, T. D. (1997). *Xarizma i vlast` v e`poxu Chingis-xana* [Charisma and power in the era of Genghis Khan]. Moskva: Nauka (in Russian).

Ulanov, M. S., Badmaev, V. N., Maczakova N. P. (2016). Buddizm i pravovaya tradiciya v Mongolii [Buddhism and the legal tradition in Mongolia]. *Bylyye gody*. 4. 168–176 (in Russian).

Vladimirczov, B. Ya. (1934). *Obshhestvenny`j stroj mongolov. Mongol`skij kochevoj feodalizm* [Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples]. Leningrad: izdatel`stvo AN SSSR (in Russian).